

ДОМ, В КОТОРОМ НЕ УМИРАЛИ

НАТАЛИЯ ВЛАСОВА

Наталия Власова

Дом, в котором не умирали

«Автор»

2026

Власова Н.

Дом, в котором не умирали / Н. Власова — «Автор», 2026

1933 год. На Оби, напротив села Назино, находится остров, который местные называют Островом смерти. Одной белой ночью в дом фельдшера Анны приносят едва живого беглеца. Он изранен, документов нет, по следу идут вооружённые люди. За укрывательство Анна может лишиться всего, но отдать человека обратно туда, откуда он чудом вырвался, она не может. Николай — инженер из Ленинграда, раздавленный системой, но не сломленный. Спасая его, Анна ещё не знает, что их ждут любовь и разлука, рождение дочери и долгие годы редких писем. Тем временем вокруг дома Анны растёт новое село. Сюда приходят ссыльные и переселенцы, строят дома, переживают болезни и голодные зимы, учатся держаться друг за друга. «Дом, в котором не умирали» — исторический роман о любви, памяти и людях, лишённых прошлого, но сумевших обрести новый дом. Это история женщины, которая не творила чудес — она просто отказывалась отдавать смерти тех, кого ещё можно было спасти.

© Власова Н., 2026

© Автор, 2026

Наталия Власова

Дом, в котором не умирали

ДОМ, В КОТОРОМ НЕ УМИРАЛИ

Роман

Наталия Власова

Глава 1. Дом, в котором не умирали

В три часа ночи над Назином всё ещё стоял серый свет.

Не день и не темнота — мутная северная полутьма, в которой река угадывалась за домами широкой холодной полосой, а ближние деревья казались нарисованными углём на сыром небе.

От Оби тянуло туманом. Он лежал низко, цеплялся за берег, просачивался между редкими домами. После недавнего снега земля раскисла. В колеях стояла вода, на затенённых местах белели рыхлые ноздреватые клочья, а с крыши мерно капало.

Спрятаться в такую ночь было трудно. Пришедших спасало другое: в третьем часу посёлок спал крепче всего.

Анна проснулась от стука.

Не громкого — осторожного, будто человек за дверью боялся разбудить не её одну, а всю деревню.

Она открыла глаза и несколько секунд лежала неподвижно.

Стук повторился.

Теперь уже в наружную дверь сеней.

Анна откинула одеяло, сунула ноги в мягкие суконные чунки, которые прошлой зимой сшили ей местные женщины, и накинула поверх длинной холщовой сорочки шерстяную кофту. Светло-русская коса за ночь растрепалась, на лицо выбились тонкие пряди, но поправлять волосы она не стала.

Сняла со стены ружьё.

— Кто там?

За дверью помолчали.

— Я, Аннушка. Открой. Люди. Плохо.

Анна узнала голос проводника, но засов сразу не отодвинула.

— Какие люди? Сколько вас? Что случилось?

— Трое. Открой.

— Ты один их привёл?

— Я.

Она приоткрыла внутреннюю дверь, всматриваясь через сени в тусклое окно.

— Откуда они?

Проводник ответил не сразу:

— С острова.

Анна невольно прижала ладонь ко рту.

Несколько секунд просто стояла, чувствуя, как холодеют пальцы. Потом поставила ружьё возле косяка и отодвинула засов.

В сени вместе с туманом вошёл тяжёлый запах мокрой одежды, дыма, грязи и человеческого тела.

Мужчин было трое.

Двое ещё держались на ногах, хотя один опирался плечом о стену, а второй дышал открытым ртом, словно бежал всю дорогу. Третьего они тащили между собой. Его руки лежали у них на плечах, голова безвольно моталась, носки разбухших кожаных ботинок волочились по полу.

Сени в доме были просторные — остались от заготовительной конторы. Вдоль стен стояли лопаты, вилы, грабли, вёдра, багры и пешни. Под потолком висели мотки верёвки, старая сеть и связки высушенных трав. В дальнем углу лежали берёзовые поленья, приготовленные для растопки. Но даже в таких сенях мужчины сразу заняли собой всё пространство.

— Господи, да что же вы стоите? — опомнилась Анна. — В дом его несите. Осторожнее с ногами. Не тяните так, вы же ему всё последнее переломаете.

Они внесли больного в переднюю комнату и опустили на широкую лавку.

Анна зажгла вторую керосиновую лампу, прикрутила фитиль и поставила свет ближе.

Только теперь она увидела их как следует.

На одном ещё держалось городское пальто. Когда-то, наверное, серое, теперь оно стало одного цвета с землёй. Брюки залоснились от грязи и были разорваны на коленях. У второго под тонкой курткой виднелась рубашка с когда-то жёстким воротником. Оба были небриты, с провалившимися щеками и воспалёнными глазами.

Тот, что лежал на лавке, выглядел хуже.

Лицо распухло. На губах засохла кровь. Ботинки — городские, осенние — насквозь промокли и так врезались в отёкшие ноги, что снять их было уже невозможно. Из-под задравшейся штанины проступала синюшная кожа с мокнущими расчёсами и язвами.

— Давно он такой? Как зовут-то его? Вы хоть имя знаете?

Один из спутников покачал головой.

— Вчера ещё говорил. Потом начал нести всякое. Мать звал. Домой собирался. В воду хотел идти. Говорил, через Неву перейдёт.

— Через какую Неву?

— Не знаем. Может, оттуда он.

— А сегодня?

— К вечеру упал.

Анна коснулась его лба.

— Горячий какой... Миленький, вы меня слышите?

Мужчина не отозвался.

Она приложила пальцы к шее, нашла частый, слабый пульс. Наклонилась ниже, прислушалась. В груди у него сипело и перекачивалось. Каждый вдох давался с усилием.

— Долго вы шли?

Мужчины переглянулись.

— Не знаем.

— Когда ели последний раз?

Они опять промолчали.

Анна быстро вымыла руки, достала ножницы и опустилась возле ног больного.

— Подержите его. Только осторожно. Ботинки придётся резать — иначе я их не сниму.

Она вспорола шнурки, потом надрезала размокшую кожу сбоку. Когда первый ботинок наконец поддался, мужчина захрипел и попытался выдернуть ногу, но сил не хватило даже на это.

Под ботинком оказалась почерневшая мокрая тряпка вместо носка. Ступня распухла так, что почти потеряла человеческую форму. Между пальцами кожа побелела и отслаивалась. На голени темнели гнойные ранки и расчёсы.

Анна покачала головой.

— Это не от ботинок одних. Голодный отёк. Холод, вода... Ещё немного — ноги начнут гнить. Да куда же вас привезли-то в таком виде?

Никто ей не ответил.

Она сняла второй ботинок и укрыла мужчину старым одеялом.

Потом посмотрела на двоих.

— Теперь вы. Руки покажите. И не говорите, что вам некогда. Упадёте через версту — много времени сэкономите?

У одного были обморожены пальцы. У другого на предплечье воспалился глубокий порез. Анна промыла рану кипячёной водой, обработала края йодом и туго перевязала.

Сама продолжала спрашивать:

— На острове сколько пробыли? Вас кормили? Воду давали? Там врач есть? Хоть кто-нибудь больных смотрит?

Ответы были обрывочные. Мука. Холод. Костры. Люди умирали рядом. Стреляли в тех, кто пытался уйти.

Анна слушала и всё чаще прижимала пальцы к губам.

— Господи... И это напротив нас. Всё напротив нас, а сделать ничего нельзя.

Она дала мужчинам по кружке горячей воды с сахаром, потом достала два порошка аспирина.

— Выпейте после воды. Желудки у вас пустые, поэтому больше ничего не дам.

Из шкафа вынула две небольшие буханки.

Мужчины посмотрели на хлеб так, что Анна сразу убрала его подальше от их рук.

— Нет, миленькие, сразу нельзя. Я понимаю, что вы голодные. Но если сейчас целую буханку съедите, живот встанет — и ляжете рядом с ним. Отламывайте понемногу, долго жуйте. Через время ещё съедите.

Она завернула хлеб в чистую ткань и только тогда передала им.

Один прижал свёрток к груди.

— Спасибо.

Второй всё это время смотрел на лежавшего товарища.

— Он с нами не дойдёт.

— Я вижу, что не дойдёт. Куда вы его теперь?

Мужчина опустил глаза.

— Оставим здесь.

Анна не сразу поняла.

— Где — здесь?

— У тебя.

— У меня?

Она оглянулась на проводника, словно надеясь, что тот сейчас возразит и объяснит, что мужчины сказали не то.

Проводник молчал.

— Подождите, — заговорила Анна быстрее. — Как это — у меня? Вы же с острова. Вас уже ищут. Утром пойдут по домам, начнут спрашивать. А я одна здесь. Он без сознания, он стонет, у него жар. Куда я его дену? Что я скажу, если его найдут?

— Мы его не бросили, — проговорил один из мужчин. — От самого берега тащили. Он там уже разум терял. Но дальше болото. Мы сами едва держимся.

— Я понимаю. Всё понимаю. Но вы на меня посмотрите. Я одна его даже поднять не смогу.

Анна снова повернулась к проводнику.

— Что же делать-то теперь? Скажи. Ты их привёл — скажи, куда мне его?

Проводник посмотрел на больного.

— Оставить, Аннушка.

— А утром?

— Спрячем.

— Где?

Он кивнул в сторону печи.

Большая русская печь была сложена в простенке и обогревала обе комнаты. С задней стороны, в жилой половине, над тёплой лежанкой тянулись широкие полаты. Дом прежде служил заготовительной конторой, поэтому за печью оставалась глубокая верхняя ниша, закрытая от двери печным выступом. Зимой там сушили варежки и валенки, держали тулупы, мешки с шерстью и свёрнутые одеяла.

Из передней комнаты ниша не просматривалась. Через окно её тоже нельзя было увидеть.

— Туда? — переспросила Анна. — А если он упадёт? Если очнётся и закричит?

— Не упадёт.

Ответ не успокоил её.

— А если умрёт?

Проводник помолчал.

— Умрёт — ночью вынесем. У дороги положим. Утром скажем: нашли беглого, мёртвого.

Ты не виновата.

Анна опять закрыла рот ладонью.

— Господи... Вы хоть понимаете, что говорите?

— А если выживет, — вмешался один из мужчин, — мы человека пришлём. Не забудем его. Вместе туда попали, вместе вышли. Если сами доберёмся — вернёмся.

Он говорил искренне.

Анна это видела.

Видела и другое: сейчас они едва стояли перед ней. Никто из них не знал, что будет через час.

Она подошла к больному и положила ладонь ему на лоб.

— Как же тебя угораздило, миленький... Ни имени, ни документов, ничего.

Мужчина не слышал.

Анна долго смотрела на него, потом вытерла ладони о передник.

— Поднимайте. Только осторожно. Ноги не заденьте.

Мужчины подхватили товарища. Он оказался тяжёлым не от тела — тела в нём почти не осталось, — а от полной беспомощности. Руки свисали, голова запрокидывалась.

Проводник подставил лавку. Втроём они уложили больного в нишу за печью.

Анна укрыла его старым тулупом, рядом положила два свёрнутых полушубка, мешок с шерстью и зимнюю одежду. Из комнаты теперь казалось, что наверху просто навалены вещи.

— Я их отведу, — сказал проводник. — До протоки. Потом назад.

Анна схватила его за рукав.

— Ты вернёшься?

— Вернусь, Аннушка.

— Скорее возвращайся. Я не знаю, что с ним делать, если он очнётся.

Проводник накрыл её руку своей широкой ладонью.

— Знаешь. Ты лечить умеешь.

— Лечить умею. Людей прятать — нет.

— Вернусь.

Двоих спутников Анна больше не задерживала.

Они ушли так же тихо, как пришли. Сначала растворились в сених, потом скрипнула наружная дверь. Несколько мгновений слышалось тяжёлое чавканье шагов во дворе, но и оно скоро пропало.

В доме остался один чужой человек.

Анна закрыла за уходившими засов, прислонилась к двери и несколько раз глубоко вдохнула.

С полатей донёлся глухой стон.

— Тише, миленький, тише. Я здесь.

Она поднялась на лавку и снова посчитала пульс. Мужчина метался, не открывая глаз. Из горла вырывался хриплый кашель.

Если утром станут обходить дома, его услышат ещё из сеней.

Анна достала из медицинского шкафа маленькую картонную коробку.

Ампул пантопона оставалось четыре.

Она долго смотрела на них. Пантопон берегла для тяжёлых ран, камней, мучительных родов — для той боли, которую человек уже не мог вынести сам. В его состоянии препарат мог не только усыпить. Мог ослабить дыхание настолько, что мужчина больше не проснётся.

Но если он начнёт кричать или бредить, его найдут.

Анна отломала головку ампулы, набрала лекарство в стеклянный шприц и выпустила воздух.

— Послушай меня, — тихо заговорила она, хотя мужчина не мог ответить. — Мне нужно, чтобы ты поспал. Только поспал, слышишь? Не вздумай ничего другого. Я и так не знаю, что с тобой делать.

Она ввела небольшую дозу под кожу плеча и осталась рядом.

Считала вдохи.

Проверяла пульс.

Поправляла тулуп.

Постепенно мужчина затих. Дыхание стало реже, но оставалось ровным. Анна просидела возле него почти четверть часа и только тогда спустилась.

Посмотрела на часы.

Без четверти четыре.

Спать уже было нельзя.

Она затопила печь, поставила греться воду и начала мыть дом.

В передней комнате на полу осталась жидкая грязь, смешанная с кровью. Следы тянулись от сеней до лавки, от лавки — к печи. Анна собрала грязные тряпки в ведро, вынесла разрезанные ботинки, потом вернулась с горячей водой и щёлоком.

Пока мыла пол, несколько раз останавливалась, прислушиваясь к дыханию за печью.

— Спи, спи. Хоть в этом помоги мне.

Она оттирала половицы до тех пор, пока на них снова не проступило светлое дерево. Промыла лавку, стол и дверные ручки. Потом тщательно вымыла руки.

Сени отмыть до чистоты было невозможно. Там земля въелась в старые доски за годы работы заготовительной конторы. Анна переставила вёдра, протащила по полу мешок с поленьями, несколько раз прошлась сама, смешивая чужие следы со своими.

На улице становилось светлее.

Туман не ушёл, но поредел. За домами проступила река. Над водой висело бесцветное небо, и от этого казалось, будто весь посёлок медленно поднимается со дна.

Во дворе следы были видны хорошо.

Слишком хорошо.

Трое пришли со стороны проводникова дома, прошли к её крыльцу. Потом двое с проводником ушли обратно. Глубокие вмятины от волочившихся ног доходили почти до самых сеней.

Анна взяла грабли.

Разровняла размокшую землю возле крыльца, протащила через двор несколько поленьев, рассыпала щепу, потом принесла из-за бани еловую ветку и заметала следы до самой тропы.

Получилось грубо.

Но во дворе фельдшера всегда ходили люди, а после ночного дождя земля и без того была истоптана.

К седьмому часу внизу по улице залаяли собаки.

Анна замерла.

С полатей не доносилось ни звука.

Собаки лаяли всё ближе.

Она вошла в дом, сняла кофту, поправила косу и надела поверх сорочки тёмное платье. Руки дрожали, и пуговица дважды выскользнула из пальцев.

Когда в ворота ударили прикладом, Анна уже стояла на крыльце.

Пришли двое стрелков. Винтовки висели за плечами, сапоги были в глине почти до голенищ. С ними шёл проводник.

Он успел вернуться до рассвета, но теперь не смотрел на Анну, только остановился чуть позади.

— Ночью троих на берегу видели, — сказал старший. — След сюда ведёт. Никто не приходил?

Анна крепче запахнула платье на груди.

— Ко мне люди и ночью приходят. Я фельдшер. Но кто с острова, а кто из соседней деревни — я по лицам не определяю.

— Мужчины приходили?

Она почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Больных ко мне приводят всяких. Что случилось-то? Вы кого-то конкретного ищете?

— Беглых ищем.

— Я понимаю. Только вы мне скажите, как их узнать? У вас имена есть? Описание?

Стрелок не ответил.

Он оглядел крыльцо, сени и сарай.

— Где можно человека спрятать?

Второй обращался уже к проводнику.

Тот пожал плечами.

— Тайга большая.

Стрелки прошли во двор.

Анна осталась на крыльце, хотя больше всего ей хотелось броситься в дом и проверить, дышит ли человек на полатах.

Они осмотрели сарай, заглянули под перевёрнутую лодку, открыли баню. Один прошёл внутрь, пошевелил полки, заглянул за каменку.

Потом добрались до ледника.

Тяжёлую крышку подняли вдвоём. Из глубины пахло холодом, рыбой и сырым деревом. Внизу, между пластами льда, стояли бочонки, крынки и ящики с припасами.

— Подпол в доме есть? — спросил младший.

Проводник не понял.

— Что?

— Подпол. Люк в полу. Погреб под домом.

Тот покачал головой и показал на открытый ледник.

— В доме нет. Погреб здесь. В земле.

— И все там хранят?

— Во льду. Рыба, мясо, молоко.

Младший заглянул вниз.

— Кто там прятаться станет? Замёрзнет к вечеру.

— Всё равно полезу.

Он спустился по лестнице, долго шарил вниз, ругался, двигал ящики. Вернулся злой, с мокрыми коленями.

— В доме посмотрим.

Анна сошла с крыльца и пошла впереди. Возле порога остановилась, положила мокрую тряпку.

— Сапоги, пожалуйста, оботрите. Здесь больных на пол кладут. Я понимаю, что вы при исполнении, но мне потом всё перемывать, а я с ночи не ложилась.

Стрелок посмотрел на неё внимательнее.

Анна опустила глаза, чтобы он не заметил страха.

Он усмехнулся, но сапоги всё-таки провёл по тряпке.

— Чисто у тебя.

— Иначе нельзя. Зараза быстрее человека ходит.

Он вошёл в переднюю комнату.

Осмотрел лавку, стол, шкаф с лекарствами. Открыл его, перебрал несколько коробок, заглянул за занавеску.

Потом прошёл в жилую половину.

Там стояла аккуратно застеленная кровать, сундук, стул с тазом и небольшой столик возле окна. В печи потрескивали дрова. Над лежанкой, в глубокой нише за печным выступом, темнела груда зимней одежды.

Человек находился совсем рядом.

Так близко, что Анна видела край тулупа, которым укрыла его плечо.

Стрелок шагнул к печи.

Она услышала, как наверху мужчина сделал вдох.

Медленный.

Шершавый.

Громкий настолько, что у Анны похолодели ладони.

Проводник заговорил с порога:

— Здесь нет. Анна одна живёт. Несколько деревень лечит. Чужой придёт — она запишет. Она скажет.

Стрелок обернулся.

— А ты откуда знаешь, кто к ней приходит?

Проводник коснулся изуродованного уха, над которым под шапкой тянулся старый рваный шрам.

— Она меня смерти не отдала. Я знаю.

С улицы раздался крик:

— След к реке ушёл! Эй, сюда! Быстро!

Старший стрелок ответил из сеней:

— Идём!

Тот, что стоял возле печи, ещё раз посмотрел на груду одежды.

Потом развернулся и вышел.

Анна проводила их до ворот.

Не торопилась. Не захлопывала дверь. Стояла на крыльце, пока они не дошли до тропы и не свернули к реке.

Проводник задержался на несколько шагов.

Посмотрел на неё.

Анна хотела что-то сказать, но не смогла. Только прижала ладони ко рту.

Он вернулся, поднялся на крыльцо и ненадолго прижал её к своему плечу.

— Тихо, Аннушка. Ушли.

— Они ведь вернутся, — прошептала она, цепляясь пальцами за его рукав. — Сегодня не нашли, а завтра найдут. Что мне теперь делать? Я больных лечить умею, а людей прятать — нет.

Проводник погладил её по голове, как младшую родственницу.

— Не одна. Мы рядом.

Потом осторожно отстранил её.

— Я сейчас идти должен. Вернусь.

Анна кивнула.

Закрыла за ним дверь и задвинула засов.

Дом был тих.

Она прислонилась спиной к двери. Ноги вдруг стали мягкими, и ей пришлось ухватиться за косяк.

С полатей донёсся слабый стон.

Анна поднялась к мужчине, отодвинула тулуп и положила ладонь ему на грудь.

Сердце билось.

Редко, неровно, но билось.

— Ну вот, — прошептала Анна. — Теперь попробуй выжить.

Мужчина не ответил.

Он спал в доме, в котором ему не позволили умереть.

Глава 2. Дом, в котором не умирали

Анна ещё немного подержала ладонь на груди мужчины.

Сердце билось.

Редко, тяжело, словно каждый удар приходилось вытаскивать из глубины, но билось.

Она убрала руку, посидела рядом ещё несколько мгновений, потом выпрямилась.

— Ну и ладно, — сказала себе. — Бояться после будем. Сейчас работать надо.

Дрожь всё ещё оставалась в пальцах, однако теперь она уже не мешала. Анна ту же переплела косу, закатала рукава и открыла внутренние ставни в передней комнате. Дом не должен был выглядеть запёртым среди белого дня. В дальней половине, где за печью лежал мужчина, створки оставила закрытыми.

Утро разгоралось медленно. После ледохода Обь стояла высокая, мутная, несла коряги, серые пласты подмытого берега и целые кусты с торчащими корнями. В низинах ещё лежал снег. Там, где он сошёл, из чёрной земли поднимался примятый за зиму мох. Между его мокрыми прядями блестели жёсткие прошлогодние листья брусники.

До новой ягоды было далеко.

Морошка только потом поднимется по болотам белыми цветами, нальётся красным и пожелтеет. Пока же люди доедали то, что сумели сохранить с прошлого лета: сушёную малину, мочёную бруснику, последние горсти черники. Весна на Севере всегда казалась щедрой только со стороны. Воды вокруг делалось больше, света больше, а есть становилось почти нечего.

Анна поставила на плиту два ведра воды. Из медицинского шкафа достала ножницы, чистое полотно, йод, бинты и эмалированный таз. Пересчитала оставшиеся порошки, ампулы, перевязочный материал.

Запас был плохой.

Зимой она расходовала всё понемногу, рассчитывая пополнить шкаф с первой навигацией. Ледоход прошёл совсем недавно. По Оби уже потянулись лодки и баржи, но до районной больницы ещё надо было добраться, получить положенное и каким-то образом привезти обратно.

Раньше это казалось обычной весенней заботой.

Теперь в доме лежал человек, которого нельзя было оставить одного.

Анна отрезала длинную полосу полотна и снова посмотрела на полати.

— А с тобой, миленький, запасов и до завтра не хватит.

За окном слышались шаги.

На этот раз Анна не испугалась. Она знала походку Сенги: он ступал неторопливо, почти бесшумно, но перед крыльцом всегда задевал носком одну и ту же выступавшую половицу.

Он постучал дважды.

— Входи, Сенга.

Проводник появился в сенях, снял шапку и долго вытирал обувь о старый половик.

Анна подошла к нему.

— Ушли?

— Ушли.

— Куда?

— Двое к Улатюшке пошли. Там лодку смотрят. Другие — к рыбному пункту.

— А в деревне ещё остались?

— Остались.

— Много их?

Сенга повёл плечом.

— Хватает.

Анна кивнула. Несколько секунд молчала, собираясь с мыслями.

— Они вернутся сюда?

— Если захотят.

— А если завтра опять придут?

Сенга развёл руками.

— А завтра нет.

Анна посмотрела на него.

Он не утешал её и не обещал, что опасность миновала. Просто завтрашнего дня пока не существовало. Был этот дом, лежащий за печью человек и сегодняшнее утро, с которым ещё можно было что-то сделать.

— Хорошо, — сказала она. — Значит, будем разбираться с тем, что есть сегодня. Помоги мне его снять. Я одна не удержу.

Сенга подставил лавку и поднялся к полатам. Анна встала ниже, поддерживая больного за ноги.

— Осторожнее. Не тяни за плечо. Там, кажется, рёбра ушиблены. Голову держи. Вот так.

Мужчина оказался тяжёлым не от собственного веса, а от полной беспомощности. Тело не помогало тем, кто его нёс. Голова падала, руки свисали, распухшие ноги едва помещались на лавке.

Они перенесли его в дальнюю комнату и уложили на широкую кровать возле печи.

Анна сразу наклонилась к его лицу.

— Дышит. Пантопон ещё держит. Хорошо. Пусть пока держит.

Она взяла ножницы.

— Одежду снимать будем всю. Иначе я до ран не доберусь.

Ткань на мужчине высохла неравномерно: сверху задубела, на спине и под поясом оставалась влажной. Рубаха прилипла к телу. Анна разрежала её по швам, смачивала присохшие места тёплой водой и отделяла понемногу, стараясь не содрать кожу.

Под одеждой открывались всё новые следы последних дней. Ссадины. Укусы. Расчёсы, воспалившиеся от грязи. Большой синяк на боку. Две глубокие ранки на голени, из которых сочилась мутная жидкость. На плечах проступали старые полосы, похожие на следы верёвки или тяжёлой ноши.

Анна работала молча, только изредка просила:

— Таз подвинь. Нет, ближе. Воду холодную добавь, эта горячая. Полотно дай, которое справа лежит.

Когда она разрезала брюки и мужчина остался нагим, Сенга отвернулся к окну. Анна заметила это и улыбнулась.

— Ты чего отвернулся?

— Голый он.

Она махнула рукой.

— Ой, Сенга, чего я там не видела? Ты сам у меня такой лежал, когда медведь тебе голову располосовал. Я тебя и мыла, и раны зашивала. И не отворачивалась.

— Я тогда не видел.

— Зато я видела, — тихо рассмеялась Анна. — Давай воду подавай. Нашёл время стесняться.

Сенга повернулся. В его лице ничего не изменилось, но Анна знала: он тоже улыбается. Только у него улыбка редко доходила до губ — появлялась возле глаз и тут же исчезала.

Она обтирала больного постепенно. Сначала лицо и шею, потом грудь, руки, спину. В баню его нельзя было нести: после холода, голода и лихорадки сильный жар мог добить быстрее болезни. Анна смывала грязь тёплой водой, меняла тряпицы, осторожно очищала воспалённые ранки.

Волосы на груди у мужчины слиплись. Под ними обнаружилась тонкая белая полоска старого шрама. Руки, несмотря на истощение, оставались крупными. На пальцах — не мозоли пахаря и не следы постоянной работы топором. Кожа была грубой на подушечках, а на правом большом пальце чернела вьёвшаяся полоска, похожая на графит.

Анна заметила, но ничего не сказала.

Сейчас это не имело значения.

— Поверни его немного. Только медленно.

Сенга поддержал мужчину за плечо.

— Так?

— Так. Держи.

В груди у больного хрипело. Иногда дыхание будто застревало, и тогда Анна останавливалась, ждала следующего вдоха. Один раз мужчина открыл глаза, но ничего не увидел. Губы шевельнулись без звука, голова снова упала набок.

— Жар поднимается, — сказала Анна. — К вечеру будет хуже.

Сенга посмотрел на медицинский шкаф.

— Лекарство есть?

— Мало. Но ему хватит. Должно хватить.

Она сказала это твёрже, чем чувствовала.

С улицы донёсся далёкий крик.
Не человеческий — чайка над водой. Анна всё равно замерла.
— Ночью ты слышал? — спросила она.

— Все слышали.

— Там женщина кричала. Долго. Потом молиться начала. Сначала громко, потом всё тише. Я каждое слово слышала, будто она у меня под окном стояла.

— Вода звук несёт.

— Да при чём здесь вода, Сенга? Там люди. Женщины там. Больные. Кто только там ни есть. Ночью стреляют, потом вопли, потом опять стреляют. Как деревня это выдерживает?

Сенга подал ей чистую тряпицу.

— Плохо выдерживает.

— Дети ведь тоже слышат.

— Все слышат.

— И что вы делаете?

— Двери закрываем. Свет гасим. Ружьё рядом кладём.

— От кого? От тех, кто на острове, или от тех, кто их сторожит?

Сенга посмотрел на неё.

— От беды.

Анна опустила руки в таз. Вода уже стала серой.

— Сколько это ещё будет? Ты не знаешь? Они ведь не могут держать там людей вечно. Их должны куда-то увезти. Расселить. Накормить. Там же каждый день умирают.

— Пока люди там — будет.

— А сколько их осталось?

— Много.

— Я не могу всех спасти.

Сенга посмотрел на лежащего мужчину.

— Всех нельзя спасти. Он тут. Тебе река его дала. Он твой. Ты спасти должна.

— Не река. Люди его принесли.

— Люди несли, — спокойно ответил Сенга. — Река дала.

Анна хотела возразить, но промолчала.

Она не верила, что река может распоряжаться человеческой жизнью. Река была водой — холодной, глубокой, опасной. В ней тонули не потому, что она кого-то выбирала, а потому, что человек уставал, течение было сильнее, помощь не приходила вовремя.

Так она привыкла думать.

Но мужчина лежал в её доме. Из всех изб выбрали именно эту. Из всех людей его донесли именно до неё.

Анна вылила грязную воду и принесла чистую.

— Хорошо, — сказала она. — Раз уж река дала, пусть теперь не мешает.

Сенга кивнул, будто другого ответа и не ждал.

Одежду больного Анна сложила в старый бак с крышкой. То, что можно было прокипятить, потом пойдёт в щёлок. Остальное придётся сжечь. В карманах не нашлось ничего: ни документа, ни письма, ни клочка бумаги с именем.

Она застелила кровать чистым полотном, укрыла мужчину простынёй, сверху положила два шерстяных одеяла. Под распухшие ноги подставила свёрнутую ткань.

— Теперь пусть лежит. Когда очнётся, воды дам. Есть сразу нельзя.

Анна выпрямилась и потёрла поясницу.

— Только если его увидят, что мы скажем? Сегодня он за одеждой лежал. Второй раз так не получится.

— Из Криволуцка привезли.

— Кто привёз?

— Родня. Ночью привезли, оставили. Человек умирает. Ты лечишь. Всё.

— Имя спросят.

— Скажешь имя.
— Какое?
Сенга пожал плечами.
— Какое знаешь.
— А бумаги? Я сама сведения подаю. Они это знают.
— Ты у каждого больного бумагу спрашиваешь?
Анна задумалась.
— Нет. Не у каждого.
— Они тоже не знают. Кто он, откуда. Больной лежит. Ты фельдшер. К тебе больных носят.
— До поры это сработает. А потом?
Сенга снова развёл руками.
Анна уже знала, что он скажет, и сама невольно улыбнулась.
— Да, помню. Потом ещё нет.
— Одежду принесу, — сказал Сенга. — Мою. Рубаху, штаны. Чуни найду.
— А сам в чём останешься?
— Есть ещё.
— Ладно. Неси. Только не всё сразу, чтобы по улице со свёртком не ходить.
Сенга кивнул.
Анна прошла в переднюю комнату, достала из стола бумагу и карандаш.
— Подожди. Ещё дело есть.
Она аккуратно, крупными буквами написала:
Баня — понедельник и четверг. К двенадцати часам. Дрова, вода и мыло — свои. Вечером баня закрыта.
Перечитала и протянула листок Сенге.
— Отнеси старшему.
Он медленно прочёл.
— Два дня?
— Два раза в неделю им хватит. И только в полдень. Вечером у меня могут быть больные, роды, мало ли что. Я не хочу, чтобы они после темноты ходили по двору.
— Сердиться будут.
— Я их не гоню. Пусть моются. Но здоровые мужчины сами принесут и дрова, и воду.
Мыла у меня на весь караул нет.
Она подумала и добавила:
— И скажи: баня не казённая. За пользование пусть старший рассчитывается. Дрова и вода — это для них самих, не плата. Пусть выдают мыло, керосин, щёлок. Что положено. Я весь караул на своих запасах не вымою.
— Скажу.
— В дом никого не веди. Даже если разговаривать захотят. Листок отдал — и всё.
— Понял.
Сенга убрал бумагу за пазуху и уже направился к сеним, когда Анна снова его остановила.
— Сенга.
Он обернулся.
— Спасибо.
— За что?
— За то, что вернулся.
Он посмотрел на неё так, будто благодарить здесь было не за что.
— Ты позвала.
И ушёл.

Анна закрыла дверь на засов и вернулась к больному.

Он лежал неподвижно. После обмывания лицо изменилось: под грязью оказалась светлая кожа, высокий лоб, прямой нос. Мужчина был моложе, чем показалось ночью. Не старик и даже не пожилой — должно быть, ненамного старше самой Анны. Только голод и болезнь провели по лицу такие глубокие тени, что возраст угадывался с трудом.

Она смочила ему губы водой.

— Кто же ты такой?

Ответа не было.

Анна промыла таз, развесила чистые тряпицы возле печи и вынесла бак с одеждой в баню. На обратном пути задержалась во дворе.

День стал светлее, но солнца не было. Над Обью тянулись низкие облака. На берегу шумела вода, ломала остатки рыхлого льда в затонах. Далеко, за серой полосой реки, темнел остров.

С такого расстояния он выглядел совершенно обыкновенным.

Низкий берег. Кривые деревья. Дым от костров.

Если бы Анна не слышала ночных криков, можно было подумать, что там остановилась большая рыбацкая артель.

Она отвернулась и вошла в дом.

Через некоторое время в наружную дверь постучали.

Анна быстро закрыла дверь дальней комнаты, прислушалась и только потом вышла в сени.

На крыльце стояла женщина из соседнего дома. В одной руке держала прикрытую полотенцем крынку, в другой — небольшой свёрток.

— Заходи. Что случилось?

Женщина поставила на стол молоко и развернула ткань. Внутри лежал кусок масла, жёлтый, с каплями холодной воды на поверхности.

— Аннушка, порошок дай. Малой с ночи горячий.

— Сильно горячий? Пьёт?

— Пьёт. Утром поел маленько. Только щёки горят и жалуется, что голова болит.

— Кашляет? Горло?

— Носом шмыгает. Больше ничего.

Анна открыла медицинский шкаф.

На верхней полке лежали последние порошки. Она посмотрела на них, потом на закрытую дверь дальней комнаты и снова прикрыла шкаф.

— Порошка нет. Закончился.

— Совсем?

— Совсем. Да ему пока и не надо. У вас сушёной малины полный туес стоял. Сама зимой показывала.

— Есть ещё маленько.

— Вот и завари. Ягоду разомни, малинового листа добавь. Берёзовые веники мне сама вязала?

— Сама.

— Один возьми, листа немного общипи и тоже запарь. Поить будешь понемногу, часто. Сильно не кутай. Если пить перестанет, сыпь пойдёт или дышать тяжело станет — сразу за мной. Не жди утра.

Женщина подвинула к ней крынку.

— Молоко возьми. И масло. Корова раздаиваться начала.

— Масло себе оставь, вам самим надо.

— Ещё собью. Бери, Аннушка. У тебя люди ходят.

Анна больше не отказывалась.

— Хорошо. Спасибо. А мальчишку всё-таки приведи после обеда, если жар не спадёт. Я посмотрю.

Проводив женщину, она снова открыла шкаф.

Порошки там были.

Три свёртка.

Анна коснулась их пальцем и закрыла дверцу.

— Прости, — сказала она мальчику, которого сейчас не было рядом. — Тебе пока малина поможет. А этому больше нечем.

Она достала тетрадь учёта, перевернула несколько страниц и на чистом листе начала составлять требование: жаропонижающие порошки, хинин, йод, спирт, камфора, перевязочный материал, вата, новые иглы для шприца. Потом вернулась к началу и увеличила количество.

Напротив деревни находились тысячи людей. Даже если власти не собирались подпускать её к острову, болезни уже переплывали реку вместе с беглыми, охраной, лодками и теми, кто носил продовольствие.

Внизу она приписала: Срочно. В связи с большим числом прибывших и угрозой заразных заболеваний.

Эта фраза могла помочь получить лекарства.

Могла и привести к ней лишнюю проверку.

Анна несколько секунд смотрела на написанное, потом всё-таки поставила подпись.

Из дальней комнаты донёсся глухой звук.

Она вскочила.

Мужчина пытался повернуться, сбросил край одеяла и тяжело дышал. Жар поднялся. Кожа на груди стала горячей, лицо снова налилось болезненной краснотой.

— Тише. Не двигайтесь.

Он открыл глаза.

На этот раз взгляд задержался на Анне. Ненадолго, но осмысленно.

— Воды, — выговорил мужчина.

Анна подсунула ладонь ему под затылок и поднесла кружку.

— Понемногу. Не торопитесь.

Он сделал несколько жадных глотков. Вода потекла по подбородку. Анна отняла кружку.

— Хватит пока.

Мужчина попытался поднять руку, но не смог.

— Где...

— В Назине. У фельдшера.

Он смотрел, не понимая.

— Остров?

— Напротив. Но вы не там.

В его глазах появился страх. Он дёрнулся, будто собирался встать, и сразу закашлялся. Кашель прошёл через всё тело, выжал слёзы, оставил его без сил.

Анна прижала ладонь к его плечу.

— Лежите. Куда вы пойдёте с такими ногами? Здесь вас никто не тронет.

— Не отдавайте...

— Не отдам.

Она ответила раньше, чем успела подумать.

Мужчина ещё несколько секунд смотрел на неё, затем веки закрылись.

Анна поправила простыню.

— А имя у вас есть? Как вас зовут?

Губы больного дрогнули, но разобрать ничего не удалось. Он снова провалился в тяжёлый сон.

К полудню вернулся Сенга.

На этот раз вошёл без верхней одежды, прижимая к боку небольшой свёрток. В нём лежали выстиранная рубаха, тёмные штаны, шерстяные носки и мягкие, уже ношенные чуни.

— Вот, — сказал он. — Подойдёт.

Анна развернула рубаху, проверила завязки у ворота.

— Подойдёт. Спасибо.

— Старшему лист отдал.

— Что сказал?

— Прочитал.

— И всё?

— Ругался.

Анна невольно улыбнулась.

— Но придут к двенадцати?

— Придут.

— Дрова и мыло принесут?

— Теперь принесут.

Он не стал объяснять, что именно сказал старшему. Анна не спросила. Если Сенга произнёс «теперь», значит, вопрос был решён.

Она отдала ему сложенный лист с требованием.

— Это надо передать с первой лодкой в Александровское. В районную больницу. Сможешь?

Сенга убрал бумагу за пазуху.

— Рыбный пойдёт — отдам.

— Скажи, что срочно. Пусть не держат у себя неделю.

— Скажу.

Он подошёл к дальней комнате и посмотрел на больного.

— Просыпался?

— Просыпался. Воды попросил. Понял, что не на острове. Имя спросила — не ответил.

— Значит, потом скажет.

— Если вспомнит.

Сенга посмотрел на неё.

— Голова забывает. Тело помнит.

Анна хотела спросить, что именно должно помнить это израненное тело, но Сенга уже повернулся к двери.

— К вечеру приду.

— Зачем?

— Дрова принесу.

— У меня есть дрова.

— Теперь двое.

Он ушёл.

Анна осталась возле кровати.

Днём с острова почти ничего не было слышно. Только вода, чайки и редкие далёкие голоса, которые нельзя было разобрать. Деревня жила: возле рыбного пункта стучали доски, женщины ходили к ледникам, на берегу переворачивали лодку. Но люди старались не смотреть через реку.

К вечеру ветер переменился.

Первой пришла стрельба — несколько сухих ударов, далеко разошедшихся над водой.

Потом мужской крик.

Ему ответили сразу с нескольких сторон. Кто-то звал мать. Кто-то ругался. Женский голос долго и надрывно просил Бога о помощи.

Анна закрыла наружную дверь, задвинула засов и прикрыла внутренние ставни.

Звуки всё равно входили в дом.

Мужчина на кровати застонал и открыл глаза.

Несколько мгновений он не понимал, где находится. Потом услышал реку, крики и судорожно вцепился пальцами в простыню.

Анна села рядом.

— Тихо. Вы у меня. Слышите? Вы уже не там.

Он повернул к ней голову.

— Не отдавайте.

— Я же сказала: не отдам.

Анна положила ладонь ему на грудь, чувствуя частое биение сердца.

За рекой снова закричали.

Она не могла помочь тем людям. Не могла остановить выстрелы, перевезти больных, накормить голодных. От этого бессилия хотелось выйти на берег и кричать вместе с ними.

Но один человек был здесь.

Его принесла не река — Анна всё ещё была в этом уверена. Его притащили двое измученных мужчин, донесли из последних сил и оставили в её доме.

Только теперь это уже ничего не меняло.

Он был здесь.

И она должна была его спасти.

Глава 3. Дом, в котором не умирали

К утру третьего дня жар немного отступил.

Мужчина уже не проваливался в беспамятство после каждого глотка воды. Открывал глаза, следил за Анной, понимал обращённые к нему слова. Иногда даже пытался отвечать, хотя голос оставался слабым и хриплым.

Анна подложила ему под плечи сложенное одеяло и поднесла миску с жидкой рыбной похлёбкой.

— Давайте ещё немного. Хотя бы три ложки.

Он проглотил одну, вторую, после третьей отвернулся.

— Хватит.

— Тошнит?

— Нет.

— Живот болит?

— Нет.

— Тогда почему хватит?

Он промолчал.

Анна подождала, но мужчина так и не повернул головы. Только сильнее сжал губы. На нижней выступила кровь: кожа потрескалась от жара, и теперь тонкая красная полоска медленно потянулась к подбородку.

Она поставила миску на табурет.

— Вы ведь не еды боитесь.

Его веки дрогнули.

Анна посмотрела на ведро с крышкой, стоявшее возле печи, потом снова на него.

— Понятно.

— Ничего вам не понятно.

Голос прозвучал неожиданно твёрдо, но сил хватило только на эти несколько слов. Мужчина закрыл глаза.

Анна села рядом.

— Посмотрите на меня.

Он не повернулся.

— Я сказала — посмотрите.

На этот раз он подчинился.

Сознание вернулось в его глаза почти полностью. И вместе с ним вернулся стыд. Тот самый, которого не было, пока он лежал в горячке и не понимал, кто его раздевает, обмывает и меняет под ним простыни.

— Я фельдшер, — спокойно сказала Анна. — Для вас сейчас — врач. Не женщина. Не хозяйка этого дома. Врач. Я работала в больнице, в лазарете, в заразном бараке. Мы за больными выносили всё: кровь, гной, рвоту, кал. Меня этим не удивить и не испугать.

Он отвёл глаза.

— Тогда я был без сознания.

— Были. А теперь пришли в себя и решили второй раз уморить себя голодом?

— Я не хочу, чтобы вы...

Он не договорил.

— Чтобы я что?

Мужчина медленно покачал головой.

Анна поняла, что вытягивать из него каждое слово нельзя. И без того было видно, чего ему стоил этот разговор.

— Слушайте меня внимательно. Пока вы не сможете выйти из дома, будете пользоваться ведром. Сами сядете — я уйду в другую комнату. Не сможете — позовёте, и я подам судно или утку. Так было прежде, так будет и дальше. Я не стану стоять над вами и смотреть. Работы у меня без этого хватает.

Он лежал неподвижно, только на виске выступила капля пота.

— До нужника вам всё равно сейчас нельзя, — продолжила Анна. — Даже если вдруг сумеете подняться. Вы вообще понимаете, где находитесь?

— Нет.

— В тайге. В Назино. Нужник за баней. До него через весь двор идти. Земля сырая, по ночам холодно, вокруг чужие люди. Вас никто не должен увидеть. А вы на ногах и трёх шагов не сделаете.

— Я попробую.

— Ничего вы пока пробовать не будете. У вас ступни в ранах. Отёк только начал сходить. Встанете — всё снова откроется и закровит. Потом я ещё месяц буду исправлять то, что вы за одну минуту испортили.

Он снова отвернулся к стене.

Анна помолчала, затем добавила уже мягче:

— Вы думаете, мне самой удобно? Я своё ночное ведро в сени вынесла, потому что теперь вы здесь лежите. Третью ночь туда хожу и зубами от холода стучу. Так что неудобства у нас общие. Только я почему-то от похлёбки не отказываюсь.

Он не улыбнулся, но напряжённые губы немного разжались.

— Одежду я вам тоже пока не дам, — сказала Анна. — Сенга рубаху и штаны принёс, они лежат в сундуке. Но если вы их испачкаете, стирать всё равно мне. Под одеялом вам тепло, а обтереть и перевязать так гораздо легче. Сможете встать — оденетесь.

— Вы меня...

— Обмывала. Подмывала тоже. Простыни из-под вас стирала. Всё выносила. Что именно вы хотите узнать?

Мужчина закрыл глаза рукой.

Анна увидела, как из-под его ладони выкатилась слеза и ушла в волосы возле виска. Она сделала вид, что не заметила.

— Мне стыдно, — проговорил он.

— Я понимаю.

— Нет. Не понимаете.

— Понимаю. Вы мужчина. Привыкли сами решать, сами ходить, сами за себя отвечать. А теперь даже воды без чужих рук не выпьете. Это тяжело. Только есть время, когда надо показывать свою настойчивость, а есть время, когда следует с благодарностью принять то, что для вас делают другие.

Он убрал руку от лица.

— Легко вам говорить.

— Мне вообще легко говорить. Я женщина разговорчивая.

На этот раз он всё-таки едва заметно улыбнулся.

— Вот и хорошо, — сказала Анна. — Значит, не всё в вас умерло.

Она взяла миску и снова поднесла к его губам.

— Ещё две ложки.

Он подчинился.

Когда похлёбка закончилась, Анна поставила рядом кружку с водой и поднялась.

— Я выйду во двор. Ведро возле печи. Если сумеете сами — хорошо. Если нет, позовёте меня. И давайте больше к этому разговору не возвращаться.

У двери он окликнул её:

— Анна.

Она обернулась.

— Где находится Назино?

— На Оби. Александровский район. Нарымский край.

Он попытался представить услышанное, но названия ничего ему не сказали.

— Далеко от Ленинграда?

— Очень далеко.

— Я вышел из дома за хлебом.

Анна осталась стоять возле двери.

— В Ленинграде?

— Да. Думал, через полчаса вернусь.

Он смотрел в потолок.

— А оказался здесь.

— Как вас забрали?

— Остановили на улице. Документов при мне не было. Потом отделение, поезд, баржа... Дальше всё перемешалось.

— Имя своё помните?

Он назвал имя и фамилию без запинки.

Анна повторила их про себя, чтобы не забыть, но расспрашивать дальше не стала.

— Значит, с памятью у вас всё в порядке.

— Лучше бы не всё.

— Не говорите так.

— Вы не были на острове.

— Не была. Но слышала его каждую ночь.

Он повернул к ней голову.

— Здесь слышно?

— Всё слышно.

Анна вышла, прикрыв за собой дверь.

Он остался один.

Ещё несколько недель назад у него была комната, чертежи на столе, пальто на крючке возле двери. Был завод, недостроенный мост, знакомая улица. Он действительно вышел за хлебом. Обыкновенный вечер, каких прежде случались сотни. Ему казалось, что через полчаса он вернётся, поставит хлеб на стол и продолжит жизнь с того места, на котором остановился.

Домой он больше не вернулся.

Теперь лежал неизвестно где, голый под шерстяным одеялом. Не мог самостоятельно выйти во двор, одеться, справить нужду. Каждый глоток воды и каждая ложка еды означали, что Анне снова придётся выносить за ним, мыть, стирать.

Пока он был без сознания, стыдиться было некому.

Теперь сознание вернулось.

Особенно тяжело оказалось понять, что Анна молодая.

Хорошенькая.

В горячке он видел только руки: прохладные пальцы на лбу, кружку возле губ, белую ткань над раной. Теперь разглядел светлые волосы, выбившиеся из-под платка, серые от усталости глаза и лицо женщины, которой вовсе не полагалось делать для него всё то, что она делала.

На острове смерть казалась самым страшным, что может произойти с человеком.

Здесь он впервые подумал, что иногда остаться в живых бывает тяжелее.

Анна вернулась не одна.

В сенях слышались женские голоса, тихий смех, затем в дверях появилась невысокая женщина с круглым смуглым лицом. Она держала крынку молока, прикрытую чистой тряпичей.

— Это Тоя, — сказала Анна. — Жена Сенги. Тойечка, поставь молоко на стол.

Тоя посмотрела на мужчину внимательно, но без любопытства.

— Глаза открыл, — сказала она.

— Открыл. Разговаривает уже.

— Хорошо.

— Хорошо будет, когда есть перестанет бояться.

Мужчина отвернулся.

Тоя ничего не спросила. Поставила крынку, сняла платок и начала помогать Анне собирать грязное бельё. Вскоре во дворе раздались удары молотка.

Сенга пришёл с мотком верёвки.

— Одну в сенях натяни, — попросила Анна. — Вторую под навесом, возле дров. Только так, чтобы с реки бельё не было видно.

Сенга оглянулся на мокрые простыни в тазу.

— У печной стены лучше.

— Там и натяни. В сенях сыро, оно иначе до зимы сохнуть будет.

Он принялся забивать крюк в верхнее бревно.

— Ты сегодня на Улатюшку собирался? — спросила Анна.

— Собирался.

— Один не ходи.

— Петровича позову.

— Обязательно позови. Вода высокая, течение после ледохода дурное. Потом опять принесут тебя ко мне, а у меня и без тебя больных хватает.

Сенга посмотрел на мужчину в комнате.

— Этот один много места занял.

— Не только места.

Тоя тихо засмеялась.

Через час она осталась с больным, а Анна пошла на рыбпункт.

За несколько дней дорога успела измениться. Под ногами уже не хрустел ночной наст, но земля ещё не просохла. В низинах стояла талая вода, тёмная, с прошлогодней травой и хвоей. От Оби тянуло холодом. Река после ледохода шла тяжёлая, серая, несла ветки, щепу и целые вывороченные кусты.

Аннины чуньки вязли в грязи.

Она вспомнила светлые туфли, оставленные в городе. В них она когда-то ходила на службу и сердилась, если на носок попадала уличная пыль. Здесь те туфли не выдержали бы и десяти шагов.

Рыбпункт слышался раньше, чем показался.

Кто-то кричал у воды, ругался из-за порванной сети. По настилу грохотали деревянные ящики. В корытах билась рыба, серебряными хвостами разбрасывая воду. Пахло чешуёй, тиной, мокрой древесиной и дымом.

На приёмку принесли чебаков, несколько щук и небольшую стерлядь. В отдельном корыте металась шурагайки. Одна выпрыгнула на настил и забилась возле Аннинных ног.

— Живая, зараза, — сказал рыбак, ловя её за жабры. — Не хочет государству сдаваться. Мужики засмеялись.

Анна прошла в конторку, сняла платок и открыла ведомость. За дни её отсутствия записи расплзлись: вес не сходился, две фамилии были написаны на слух, а одна сдача вообще стояла без числа.

— Кто это вёл?

Приёмщик виновато развёл руками.

— Я вёл.

— Вижу, что не Пушкин. Вот здесь сколько было: двадцать семь или семьдесят два?

— Двадцать семь.

— А написал зачем семьдесят два?

— Карандаш плохо пишет.

— Карандаш у тебя хороший. Рука торопится.

Анна села исправлять ведомость.

Она почувствовала взгляд раньше, чем подняла голову.

Возле двери стоял тот самый высокий стрелок, который входил в её дом во время обыска. Без полшубка он казался моложе. Волосы были мокрыми, будто он только что умывался над ведром. В одной руке держал папиросу.

— Не виделись давно, Аннушка.

От того, как он произнёс её имя, внутри стало неприятно.

— Больные были.

— Много?

— Мне и одного хватает, чтобы двое суток не спать.

— А я думал, прячетесь от нас.

Он улыбнулся, словно сказал что-то безобидное.

Анна опустила глаза к ведомости.

— Мне незачем от вас прятаться.

— Одна живёте?

Вопрос был задан легко, почти между прочим. Но Анна услышала в нём совсем не любопытство.

— Одна.

— Не страшно?

— Здесь все друг друга знают.

— Теперь не все.

Он вошёл в конторку и остановился рядом со столом. Слишком близко. От него пахло табаком, мокрой шерстью и дешёвым мылом.

— Говорят, баня у вас хорошая.

— Обыкновенная баня.

— В четверг можно?

— В четверг. К полудню её натопят.

— Я бы вечером пришёл. Когда народу нет.

Анна медленно закрыла чернильницу.

— Вечером баня закрыта.

— А вы откройте.

— Ключ у Сенги. Он топит и запирает.

Стрелок затянулся папиросой.

— Значит, Сенга у вас за хозяина?

— Он мне помогает. Как и другие.

— А настоящий хозяин не нашёлся?

Анна почувствовала, как кровь прилила к лицу. Хотелось встать и уйти, но тогда пришлось бы пройти совсем близко от него.

— Мне надо закончить ведомость.

— Заканчивайте. Я не мешаю.

Он отошёл, но из конторки не вышел. Стоял у стены и смотрел, как Анна выводит цифры. Она дважды ошиблась в простом сложении и разозлилась на собственные руки.

Когда работу наконец удалось закончить, приёмщик отложил для неё небольшую стерлядь и горсть шучьей икры в берестяной туесок.

— Больному сварить.

— Запиши на меня.

— Запишу.

Стрелок посмотрел на рыбу.

— На одну себя не много?

— Я не только себя кормлю. Ко мне вчера ребёнка привозили с жаром. Ещё старика с больной рукой ждут.

— Всех лечите?

— Кого привезут.

Он снова улыбнулся.

— Значит, и меня примете, если заболею?

— Если заболеете — приму.

— А без болезни?

Анна не нашлась, что ответить.

За её спиной раздался голос:

— Без болезни чего к фельдшеру ходить?

Петрович стоял на пороге с мокрой сетью через плечо. Невысокий, широкий, седая борода потемнела от воды. Он посмотрел сначала на стрелка, потом на Анну.

— Сенга тебя ищет, — сказал он ей. — На воду собираемся.

Анна сразу поняла, что Сенга никого за ней не посылал.

— Я уже закончила.

Петрович взял со стола стерлядь и туесок.

— Давай понесу. Тебе по грязи тяжело.

Стрелок проводил их взглядом.

До самого дома Анна молчала. Петрович тоже ничего не спрашивал. Только возле калитки отдал ей рыбу и сказал:

— Этот нехорошо смотрит.

— Я заметила.

— Сенге скажи.

— Скажу.

Петрович ушёл к реке, а Анна ещё некоторое время стояла у калитки. Ей всё казалось, что стрелок идёт следом.

В доме было тепло. Тоя сидела возле печи, перебирая высохшие тряпки. Мужчина спал. Сенга закончил натягивать верёвку и теперь чинил расшатавшуюся ступеньку крыльца.

— Сенга, — позвала Анна.

Он поднял голову.

— Мне поговорить надо.

Они отошли под навес, к дровам.

— Тот высокий стрелок сегодня ко мне привязался.

— Что говорил?

— Спрашивал, одна ли я живу. Кто мне помогает. Почему хозяина нет. В баню вечером собрался.

Сенга перестал строгать доску.

— Придёт, — сказала Анна. — Не в баню. Сюда придёт. Я по глазам вижу.

— Придёт, — согласился Сенга.

От его спокойствия ей стало ещё тревожнее.

— И что мне делать? Я ведь не могу ружьём его встречать. Он пока ничего не сделал. Скажет, поговорить пришёл, воды попросить или лечиться. А если я дверь не открою, начнёт спрашивать почему.

Сенга некоторое время молчал.

— Баню открывать я буду. Ты туда не ходи.

— Хорошо. А дом?

— Тоя здесь ночевать будет.

— Не могу же я вашу семью к себе переселить.

— Не семью. Тойку.

— У вас свои дела.

— У тебя тоже.

Анна посмотрела на него.

— Если бы один только, Сенга. Их там несколько. Один войдёт — остальные решат, что сюда дорога открыта. Не пущу — могут вместе прийти. И кому я пожалуюсь? Пока до Александровского бумага дойдёт, они уже всё что угодно написать успеют. Скажут, беглым помогала. Скажут, на них с ружьём вышла.

— Потому никто не войдёт.

— Как ты их остановишь? У них оружие.

— У нас тоже.

Он сказал это без угрозы, как обычную вещь.

— Стрелять никто не будет, — продолжил Сенга. — Баню я открываю. Петрович вечером зайдёт. Утром Митря дрова принесёт. Тоя ночует. Люди увидят.

— Они поймут, что вы нарочно ходите.

— К фельдшеру всегда ходят.

В этот момент возле калитки снова появился Петрович. Он нёс две шурагайки, связанные через жабры.

— На реку сегодня не вышли, — сообщил он. — Вода дурная. Завтра пойдём.

Сенга коротко рассказал ему про стрелка.

Петрович выслушал, посмотрел на старую ограду и подёргал верхнюю жердь.

— Два года тебе забор ставим, — сказал он Анне. — Всё никак не поставим.

— Мне и этого забора хватало.

Сенга отпустил жердь.

— Раньше тут медведи только ходили.

— И что изменилось?

— Теперь не только медведи.

Петрович хмыкнул и принялся считать старые столбы.

— Столбы ещё крепкие. Землю трогать не надо. Между ними плахи поставим — глухо будет.

— А плах вы где столько возьмёте? — спросила Анна.

— У меня шесть лежит, — ответил Петрович. — У Митри ещё есть. Сенга тёс принесёт.

— Медведь через ваш заплот всё равно перелезет.

— Пусть сначала полезет, — сказал Петрович. — Услышим.

Тоя рассмеялась из дома.

Анна тоже невольно улыбнулась.

— Вы мне весь двор разломаете, чтобы потом ходить ремонтировать.

— Разломаем, — согласился Петрович. — Дел много будет.

Мужчина в комнате не спал.

Он слышал разговор почти полностью. Лежал неподвижно, глядя в потолок, и понимал каждое слово.

Какой-то чужой мужчина собирался прийти к Анне. Она боялась. Не истерила, не храбрилась — просто просила совета у людей, которым доверяла.

А он ничего не мог сделать.

Не мог выйти во двор. Не мог встать рядом с Сенгой и Петровичем. Не мог даже показать стрелку, что в доме находится мужчина. Если его обнаружат, Анна окажется виновата вместе с ним.

Он сжал край одеяла.

Вчера ему казалось, что хуже подкладного судна и собственной наготы ничего уже не будет. Сегодня выяснилось, что есть: лежать в доме молодой женщины, слышать, как другие мужчины решают, каким образом её защитить, и не иметь права даже подать голос.

Анна вошла с рыбой в руках и сразу увидела, что он не спит.

— Давно проснулись?

— Давно.

Она посмотрела в сторону сеней.

— Слышали?

— Да.

Анна положила стерлядь на стол.

— Не тревожьтесь. Сенга всё устроит.

— Из-за меня вы не можете никого впустить.

— Я и без вас не собиралась его впускать.

— Но если он придёт с обыском?

Анна не ответила сразу.

— Тогда будем думать.

— Вам страшно.

— Страшно, — честно призналась она. — Я же не деревянная.

Он отвернулся.

— А я даже встать не могу.

— И не надо.

— Вам легко говорить.

— Мне опять легко говорить?

Она подошла ближе и поправила сползшее одеяло.

— Послушайте. Сенга прожил здесь всю жизнь. Петрович — почти всю. Они знают тайгу, реку и людей лучше нас с вами вместе взятых. Если говорят, что будут ходить, значит, будут. Вам сейчас другое надо сделать.

— Что?

— Поправиться.

— Очень мужественное занятие.

— А вы попробуйте. Умереть на острове у вас почти получилось. Теперь попробуйте сделать то, что труднее.

Она взяла рыбу и понесла её к столу.

На следующий день работа началась с утра.

Петрович принёс шесть тяжёлых плах. Митря приволок ещё четыре и моток старой проволоки. Сенга снял с ограды жерди, оставив крепкие столбы, и стал подгонять между ними дерево. Тоя устроилась под навесом с топором поменьше и очищала плахи от остатков коры.

Анна пыталась помогать, но её быстро отправили в дом.

— У тебя там работа, — сказал Сенга, кивнув на окно.

— А здесь, значит, не моя?

— Здесь наша.

К полудню со стороны реки двор уже закрыли наполовину. За новым заплотом исчезли верёвки с бельём, крыльцо и дверь в сени. Снаружи оставались видны только крыша дома, печная труба и верхушки сложенных под навесом дров.

Высокий стрелок появился после обеда.

Шёл неторопливо, будто оказался возле дома случайно. Увидев работающих мужчин, остановился у дороги.

— Целую крепость строите, — сказал он.

Петрович не перестал тесать плаху.

— Весна.

— И что?

— Медведь просыпается.

Стрелок посмотрел на Сенгу, на Митрю, затем на Анну, стоявшую возле крыльца.

— Разве медведь забора боится?

— Не боится, — ответил Сенга. — Но думает дольше.

Стрелок усмехнулся.

— Баня завтра?

— Завтра, — сказала Анна. — К полудню.

— Вечером зайду.

Она почувствовала, как внутри всё сжалось, но ответить не успела.

— Вечером закрыто, — сказал Сенга. — Ключ у меня.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

Потом стрелок бросил папиросу в грязь и пошёл обратно к рыбпункту.

Никто не произнёс ни слова, пока он не скрылся за домами.

Петрович первым поднял следующую плаху.

— Ставим дальше.

К вечеру с реки уже нельзя было увидеть ни дверь, ни окна первого этажа, ни людей во дворе.

Анна стояла возле новой ограды и проводила ладонью по шероховатому дереву.

Ещё вчера ей казалось, что старого забора вполне хватало.
Но раньше возле дома действительно ходили только медведи.
Теперь — не только медведи.

Глава 4. Чужое имя

В тот вечер мужчины собрались в пустой половине рыбного сарая.
Дневной улов уже перебрали. На столах осталась серебристая чешуя, под настилом тяжело ходила высокая вода, а под потолком сохли сети — тёмные, пахнущие рыбой и речной тиной. Петрович сидел у открытой двери и курил. Митря вырезал из сосновой коры поплавок. Сенга распутывал сеть, не глядя на собственные руки.

Федотыч пришёл последним. Снял шапку, вынул из-за пазухи серую книжицу и положил на перевёрнутый ящик.

— Жёнина брата, — сказал он. — Зимой на заимке помер.

Петрович придвинул паспорт к свету.

— Как звали?

— Николай Семёнович Айпин. На речном работал, потому бумагу имел. Годами малость старше нашего.

Митря перестал скоблить поплавок.

— О смерти уже знают?

— Аннушка записала. А в сельсовет ещё не возили — не на чем.

Петрович раскрыл книжицу. Фотографии в ней не было. В строке о национальности значилось: остяк. Место работы — речной транспорт.

— На остяка он не похож, — заметил Митря.

Сенга поднял глаза от сети.

— Айпины разные. Русская мать бывает.

— А если спросят по-остяцки?

— Скажем, с русскими вырос. Я тоже по-русски говорю.

— Ты и сети вязать умеешь.

Сенга снова опустил голову. Узел под его пальцами распался сам собой.

— Научим.

За дверью хлопнула о настил рыба, оставленная кем-то в лодке. Мужчины прислушались, потом опять стало слышно только воду.

Петрович долго смотрел на паспорт.

— Бумагу дадим — отвечать всем. Не только Анне.

— Потому все здесь, — сказал Федотыч.

— А жена твоя согласна?

— Она и принесла. Сказала: мёртвому брату бумага не поможет, а этот, может, останется жить.

Митря отложил нож.

— Останется — что дальше?

— Встанет, работу найдёт, — ответил Петрович. — Руки у него не пустые. Видно же.

— Может, его дома жена ждёт.

— Сначала пусть доживёт до разговора про жену, — сказал Федотыч.

Сенга подтянул сеть к коленям.

— Одной Аннушке теперь нельзя. Чужие ходят. Жаров возле неё крутится.

Петрович нахмурился.

— Видел.

— Мы все видели, — тихо сказал Митря. — Она отойдёт — он следом.

Они замолчали. Никому не требовалось объяснять, чем Анна стала для Назино. До неё рожали как придётся, раны зашивали кто чем умел, при горячке ждали: поднимется человек

или нет. Теперь в её доме были чистые бинты, игла, лекарства и руки, которые знали, когда ещё можно бороться. Сенга носил на голове шрам от медвежьих когтей и каждое утро просыпался только потому, что однажды Анна не дала ему умереть. У Петровича она принимала внука. Федотыч помнил, как она среди зимы подняла его жену после воспаления.

Отдать её на волю Жарова означало лишиться не только молодой женщины, которую они считали своей. Означало снова остаться перед болезнью в одиночку.

Петрович закрыл паспорт.

— Отнесём утром. А там Анна скажет, как сделать.

— Если скажет нельзя? — спросил Митря.

Сенга покачал головой.

— Не скажет. Бояться будет. Всё равно сделает.

На следующее утро Федотыч и Петрович пришли к Анне с двумя новыми плахами. Паспорт Федотыч положил на стол только после того, как Петрович прикрыл за собой дверь в сени.

Анна вытерла руки о передник, открыла книжицу и сразу узнала фамилию.

— Айпин... Тот, что умер на верхней заимке?

— Он, — ответил Федотыч. — Жёнин брат.

Она сверила год рождения, место работы, национальность. Вернулась к первой странице и прочла всё ещё раз. Пальцы задрожали, и Анна села, прижав паспорт обеими ладонями к столу.

Перед ней лежало спасение. Неполное, ненадёжное, опасное для каждого, кто о нём знал, — но всё-таки спасение.

— Что делаем? — спросила она.

Спрашивать, зачем мужчины это сделали, было поздно и бессмысленно. Николая уже вытащили из смерти; теперь ему требовалось имя, с которым можно было выйти за калитку.

Анна достала из шкафа толстую тетрадь, быстро перелистнула страницы и нашла нужную строку.

— Вот запись. Николай Семёнович Айпин, причина смерти, место погребения. Всё моей рукой. Убрать её я не могу, вы понимаете? Человек жил. У него родные, могила. Его смерть всё равно должна попасть в сельсовет.

— Убирать не надо, Аннушка, — сказал Петрович. — Пусть пока у тебя лежит.

Она посмотрела на него, потом на Федотыча. Мужчины ждали не согласия — расчёта.

— До сельсовета лодка ещё не ходит, — проговорила Анна, уже думая вслух. — Сведения всё равно не на чем передать. Если Жаров пошлёт запрос с первой оказией, Айпин там пока будет числиться живым. Паспорт подтвердят. Но как только туда попадёт эта запись, прикрытие кончится.

— Значит, раньше надо его отсюда увезти, — сказал Федотыч.

— Раньше надо поставить его на ноги. Сейчас он до сеней не дойдёт. Потом выучить всё про Айпина: где жил, с кем работал, как звали родных. Он русский, по-остяцки ни слова, сети вязать не умеет. Кто-нибудь внимательный разговорит — и всё.

— Расскажем, — пообещал Федотыч. — Мать у Айпина русская была. Сам больше с русскими жил. Здесь его в лицо только мы с женой знали.

Анна провела пальцем по строке о смерти.

— Жена сама отдала паспорт?

— Сама. Всю ночь думала. Утром сказала нести.

Анна закрыла тетрадь, но руки с неё не убрала.

— Вы ведь понимаете, чем рискуете? Если раскроют, придут не только ко мне. Дойдут до вашей семьи, до Сенги, до каждого, кто подтвердит его имя.

— Понимаем, — ответил Петрович. — Потому что не ты одна решила и не Федотыч один. Мужики ночью собрались.

Он говорил спокойно, глядя Анне прямо в глаза.

— Сегодня этого уведут, завтра в другой дом полезут. А если тебя заберут или вынудят уехать, легче кому станет? Кто детей лечить будет? Кто к роженице зимой поедет? Мы его прячем, Аннушка. А заодно и тебя не отдаём.

— И себя, — добавил Федотыч. — Без тебя нам худо.

Анна опустила голову. В горле вдруг стало тесно. Эти мужчины не умели утешать и не обещали, что всё обойдётся. Они просто принесли по доске, по слову, по чужому документу и сложили из этого защиту, какая у них была.

Она тоже понимала собственную выгоду — и не стыдилась её. Николай уже не был для неё одним только больным, которого следовало выходить. Он был человеком её лет, грамотным, из знакомого ей большого мира. С ним дом переставал быть пустым. Если его уведут, Анна снова останется одна среди стариков, семейных мужчин и тех, от чьего взгляда хотелось запираť внутренние ставни.

— Хорошо, — сказала она, смахнув ребром ладони выступившую слезу. — Запись остаётся у меня до надёжной лодки. Я ничего не вычёркиваю и не подделываю — просто пока не отправляю. За это время ставим его на ноги и делаем так, чтобы люди привыкли видеть в нём Айпина. Потом решим, куда везти.

Петрович кивнул.

— Вот теперь дело.

— А вы принесите всё, что знаете о настоящем Айпине. Даже мелочи. И одежду местную подберите. Одной фамилии мало.

— Сегодня принесём.

Петрович вынес плахи во двор. Федотыч задержался возле двери и оглянулся.

— Спасёт его бумага?

Анна сжала паспорт в ладони.

— Сейчас спасёт. А дальше мы должны успеть раньше тех, кто начнёт задавать вопросы.

Николай не спал. По его лицу Анна поняла, что голоса из сеней он слышал, но слов не разобрал. Она подошла к кровати, села рядом и положила паспорт поверх одеяла.

— Есть выход, Николай Андреевич.

Он посмотрел на серую книжицу, потом на неё.

— Настоящий?

— Другого пока не нашли. Для всех, кто войдёт в этот дом с проверкой, вы Николай Семёнович Айпин. Тридцать шесть лет. Работали на речном транспорте. Зиму провели у родни на верхней Пане, там заболели, и вас привезли ко мне.

— А сам Айпин?

— Умер в конце зимы. Родные отдали его паспорт, чтобы вы могли жить.

Николай взял книжицу обеими руками. Долго смотрел на неё, затем зажмурился и прижал к груди. Из него вышел неровный, тяжёлый выдох. Словно всё это время он лежал, ожидая шагов за дверью, и только теперь позволил себе поверить: остров действительно остался на другом берегу.

— Дай бог, чтобы получилось.

— Получится, если не подведём друг друга. Рискует все: Федотыч, его жена, Сенга, Петрович. Вся деревня вас прикрывает.

Николай открыл глаза. В них больше не было обречённости — только усталость и внезапная, почти мальчишеская надежда.

— Я всё сделаю. Выучу, отвечу, куда скажете — пойду. Только дайте на ноги подняться.

— Для начала запомните имя.

— Николай Семёнович Айпин, — произнёс он, глядя не на паспорт, а на Анну.

Она улыбнулась.

— Вот и хорошо.

Николай положил книжицу на грудь и протянул руку. Анна решила, что он хочет отдать паспорт, и подала ладонь. Он неожиданно сжал её пальцы, потянул к себе и прикоснулся губами к костяшкам.

Поцелуй вышел неловким: сил у него ещё не хватало, губы были сухими и горячими. Но Анна застыла, будто это прикосновение прошло от руки прямо к сердцу.

— Спасибо, Аннушка, — сказал он.

Она могла напомнить, что всё сделали мужчины, что благодарить рано, что теперь предстоит самое опасное. Вместо этого осталась сидеть, не отнимая руки.

— Аннушкой меня здешние зовут.

— Я тоже теперь здешний. Хотя бы на бумаге.

Анна тихо рассмеялась и опустила глаза на их соединённые руки.

— Тогда хватит вам меня на «вы» величать. После всего, что я из-под вас вынесла, поздно нам чиниться.

— А тебе меня как звать? Николаем или Айпиным?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.